Император Цию уже решил лично отправиться в инспекцию и назначил Первого принца и Вторую принцессу сопровождать его. Осталось только обсудить методы наведения порядка в чиновничьем аппарате.

Это дело касалось высокопоставленных чиновников и членов императорской семьи. Чтобы сохранить стабильность в государстве, было невозможно привлечь всех к ответственности, но и нельзя было проявлять пристрастие к одной стороне. В противном случае те, кто не мог избежать наказания, обязательно начали бы огрызаться, стараясь перед смертью утащить с собой как можно больше.

Бумага не сможет скрыть огонь. Хотя борьба с коррупцией была делом мудрого правителя, нельзя было допустить, чтобы это закончилось обвинениями в пристрастности и беззаконии.

Видя, что отец хмурится, Первый принц, пытаясь угадать его мысли, первым заговорил:

— Отец, я считаю, что, хотя это дело затрагивает многих, вина бывает разной степени тяжести. Хотя два министра из кабинета также замешаны, они получили лишь один земельный участок и фактически не оказывали Цао Чэню никаких услуг. С ними можно обойтись мягко, лишения жалованья будет достаточно.

Князь Юй уже в преклонном возрасте, живёт на покое в Интяне, и местные чиновники оказывают ему почтение, что вполне естественно. Его нельзя обвинить в получении взяток.

Император Цию глубоко вздохнул и медленно выдохнул, но его брови оставались нахмуренными.

Князь Чэнъань был таким же, как он сам — слабым и безынициативным.

Он и сам думал так же, но это дело было слишком масштабным. Любое неосторожное действие могло вызвать бурю, и здесь не место для таких оправданий.

Император Цию перевёл взгляд на Цзян Хань, давая ей понять, что хочет услышать её мнение.

Цзян Хань тут же встала и ответила:

— Я считаю, что это неправильно. Это дело слишком запутанное, одно движение может вызвать цепную реакцию. В нём замешано слишком много людей, и это может вызвать много пересудов.

Как говорится, люди боятся не недостатка, а неравенства. В таком важном деле, если не действовать справедливо, как Великая Ся сможет завоевать уважение Поднебесной?

Император Цию поднял чашку чая, держа в руках крышку цвета неба после дождя, и слегка помешал чай, прежде чем произнести:

— Ты права, но неужели действительно нужно привлечь к ответственности двух министров, а также всех замешанных чиновников в столице? Включая моего брата…

Голос императора дрогнул, и он выглядел немного постаревшим, когда продолжил:

— Вдовствующая наложница И была близка с вдовствующей императрицей. Перед своей кончиной она взяла меня за руки и умоляла позаботиться о князе Юй. Кроме того, мой брат в молодости сражался вместе с отцом и получил множество травм. Теперь он в преклонном

возрасте, как он выдержит арест и допрос в столице…

— Отец всегда был милосердным, — искренне сказала Цзян Хань. — Но если из-за князя Юй мы потеряем авторитет Великой Ся, мы не только опозоримся перед вдовствующей наложницей И.

Император Цию слегка вздохнул, и тень на его лице стала ещё гуще.

Хотя ему это было неприятно, он знал, что Цзян Хань права. Но он не мог заставить себя принять жёсткое решение и снова замолчал.

Спустя долгое время он поднял взгляд и окинул взглядом остальных Императорских аристократов.

Пятый принц тут же втянул голову и опустил глаза, явно не имея никакого желания вмешиваться.

Седьмой принц внимательно смотрел на него, его взгляд был ясным, но в нём не было ни капли хитрости или стратегического мышления.

А Девятая принцесса… смотрела в окно, погружённая в свои мысли!

Император Цию кашлянул.

Девятая принцесса продолжала смотреть в окно…

Император Цию покачал головой, вздохнул и позвал:

— Чэньюэ.

Девятая принцесса тут же обернулась, встала и поклонилась:

— Отец!

Император Цию смотрел на неё, видя, что она уже выросла и стала похожа на взрослую, но всё ещё оставалась ребёнком в душе. Это заставило его посмеяться, и его грусть немного рассеялась. Он глубоко вздохнул и спросил:

— Что ты думаешь? Как лучше поступить в этом деле?

Цзян Чэньюэ подняла глаза и посмотрела на отца, сидящего за императорским столом. В её светло-золотистых глазах промелькнуло недоумение.

Император Цию никогда раньше не обсуждал с младшим Императорским аристократом государственные дела. Этот вопрос, хотя и был задан в шутку, для Цзян Чэньюэ был первым опытом участия в политике, и она не могла отнестись к этому легкомысленно.

Цзян Чэньюэ перевела взгляд на старших брата и сестру. Оба смотрели на неё с ожиданием, надеясь, что она поддержит их предложения.

Император Цию кашлянул, привлекая её внимание, и с серьёзным видом сказал:

— Я хочу услышать твоё собственное мнение, не поддерживай просто одну из сторон, чтобы отделаться.

Цзян Чэньюэ опустила ресницы и сказала:

— Слушаюсь. Я полагаю, что во время этой инспекции отец должен взять с собой всех замешанных чиновников из столицы и провести в Управе Интянь полмесяца.

Как только она закончила, Первый принц и Пятый принц фыркнули.

Император Цию тоже не смог сдержать смеха. Из всех присутствующих только Цзян Хань смотрела на свою младшую сестру с разочарованием, её лицо слегка напряглось.

— Ты… — Император Цию указал на Цзян Чэньюэ. — Уже такая большая, а всё думаешь о развлечениях!

Цзян Чэньюэ слегка улыбнулась и продолжила серьёзно:

— Развлечения — это только видимость, истинная цель — устрашение. Отец, я считаю, что это дело не требует жёстких мер, но и нельзя его игнорировать или решать несправедливо.

Отец должен использовать эту инспекцию, чтобы устроить пир для всех замешанных чиновников и дать им понять, что он знает об их преступлениях.

Если отец не проявит силу, они будут в смятении, но если он начнёт действовать, они могут пойти на крайние меры.

Страх сильнее всего, когда сила ещё не проявлена.

Они не будут знать, как отец поступит, и каждый будет бояться, не решаясь больше брать взятки. Таким образом, их преступления станут очевидными, но не будут названы. Кажущееся бездействие окажет наибольший предупредительный эффект.

Если в будущем кто-то осмелится нарушить закон, их можно будет сразу казнить.

Это не будет амнистией, просто все поймут, что их преступления известны, но не будут названы. Это бездействие станет самым тяжёлым оковами для замешанных чиновников.

В противном случае, даже если всех виновных заменят, нет гарантии, что в будущем это не повторится. Я надеюсь, что отец сможет провести фундаментальные реформы в системе надзора за соляным ведомством.

Как только она закончила, все в зале были поражены!

*

За дворцом Ниншоу находился небольшой, но изысканный сад.

Несколько служанок снова увидели, как Девятое Высочество возится с несколькими жуками, а затем аккуратно кладёт их в сумку для учёбы, прежде чем отправиться в академию.

Служанки снова начали тихо обсуждать:

— Почему наш Императорский аристократ Сверхранга в Великой Ся всегда имеет такие странные увлечения?

— Что ты понимаешь? Люди с необычными талантами не могут быть поняты обычными

людьми, как мы. Если Его Высочество ловит жуков, в этом наверняка скрыт какой-то глубокий смысл!

Императорская академия, Павильон Вэньхуа.

Гу Шэн, увидев, что Девятое Высочество прибыло, встала и поклонилась, а затем взяла сумку для учёбы, чтобы найти книгу, которую учитель будет обсуждать на первом уроке.

Через мгновение раздался громкий крик, потрясший Павильон Вэньхуа:

— Аааaа!

Гу Шэн отчаянно стряхнула жука, прилипшего к её руке, и с яростью посмотрела на Цзян Чэньюэ:

— Ваше Высочество! Как Вы могли так поступить!

В зале наступила тишина.

Девятое Высочество спокойно село и улыбнулась:

— Хех…

Вечер. Гу Шэн вернулась домой после занятий.

Три дня непрерывного снега покрыли серую черепицу дома Гу белым покровом. Служанки во дворе сгребали снег одну корзину за другой.

Когда начало темнеть, на каменных плитах снова накопился снег толщиной в два цуня.

Гу Шэн, накинув на себя меховую накидку с узорами, держа в руках эмалированную грелку, медленно шла по галерее, когда вдруг остановилась и посмотрела на снег за окном.

В саду ветви камфорного дерева были покрыты толстым слоем снега, а ветер декабря сдувал снежные хлопья.

Шилю, увидев, что Гу Шэн замерла, поспешила подойти и позвала:

— Барышня, пойдёмте в дом. У вас на подошвах снег, он уже тает, и холод поднимается. Давайте скорее вернёмся, я приготовлю вам горячую воду, чтобы согреть ноги.

Гу Шэн обернулась и послушно пошла в дом, тихо спросив:

— Сегодня уже десятое число?

Шилю кивнула и, увидев, что на лице Гу Шэн появилась тревога, с беспокойством спросила:

— Барышня, что случилось?

Гу Шэн с грустью смотрела вперёд.

Сорок восьмой год правления Цию, первый месяц. Если всё пойдёт так же, как в прошлой жизни, то через два месяца её мать умрёт от чумы.

Наложница Шэнь уехала в южное имение на зиму, вероятно, чтобы отстраниться от всего. Она

уже договорилась со своими людьми о времени, когда всё произойдёт.

На самом деле, в этой жизни всё немного иначе. Гу Шэн ещё не вошла в дом князя Сюаня, и госпожа Янь с наложницей Шэнь не соперничали из-за своих дочерей, как в прошлой жизни. Наложница Шэнь, возможно, не станет убивать.

Но Гу Шэн не могла полагаться на предположения. Она должна была гарантировать полную безопасность своей матери.

Поэтому она уже полгода уговаривала госпожу Янь переехать в загородный дом Цзян Хань.

Даже если это не дворец князя Сюаня, в загородном доме также есть охрана, и наложница Шэнь, какой бы смелой она ни была, не посмеет протянуть свою грязную руку к владениям князя.

http://bllate.org/book/16655/1526708